

ЮБИЛЕЙ

— Кто вам такое сказал? Наоборот, считаю, что Москва лучше Питера. Этот город перспективный. Что же касается того, что в Москве все по определению гениально, по любому поводу, то так уж к этому привыкли здесь люди. Московские оценки завышены, бесспорно. То, что у нас с трудом натягивает на "троечку", здесь — на "пять с плюсом". Наши молодые музыканты, скажем, группа "Оркестр ЗАЧЕМ" или "Торбана-Круче", они же все по подвалам. А в Москве... Такое впечатление, что можно взять петуха из любой деревни, и если он прокричит в эфир "ку-ка-ре-ку", из него запросто сделают звезду.

— Скажите уж лучше, что просто завидуете.

— Не думаю, что это зависть — просто понимание того, что происходит. И все равно скажу: москвичи лучше. Богатство сделало их более спокойными, доброжелательными, уравновешенными. Пробки — вот что у вас невыносимо. Едешь в машине, и такое ощущение, что со скоростью траурной процессии. Только музыки соответствующей не хватает.

— Вот не можете без того, чтобы не связать. Сознайтесь, характер у вас отнюдь не сахар.

— А я думаю, что сахар. Для вежливых, интеллигентных и гостеприимных москвичей я человек идеальный. Во-первых, в моем лексиконе нет этого модного слова — "райдер". Меня спрашивают: "Какой у вас райдер?" Я говорю: "Никакого". Вот ни хрена мне не надо. Можно хоть сейчас зайти в мой номер и ужаснуться: как это я здесь живу. Да ничего, нормально — по мне и так сойдет.

— Традиционная питерская скромность?

— Скорее толстовская мудрость. Или конфуцианская. Не то чтобы я отказался от номера с бассейном. Но это не предмет первой необходимости.

— Вы как-то сказали, что в жизни предпочитаете держаться как можно менее заметно. Было такое?

— Ну, наверное. Лукавил, конечно.

— Вот именно. Станиславский бы сказал: "Не верю". Куда ж вы скроетесь? Смотришь, например, футбол, играет "Зенит". И кого на трибуне показывают? Правильно — человека в усах и в шляпе.

— Там много кого показывают. Просто меня вы знаете, а других нет. Но на футбольном матче у меня вообще не берут автографов. Потому что все знают: здесь я — болельщик, а не артист. У меня нет отдельной трибуны, я не сижу в VIP-ложе...

— Зато часто выходите на лестницу между рядами трибуны.

— Это когда в театр опаздываю. Футбол, предположим, в пять, а спектакль в семь. И надо успеть.

— Поражения от побед как-то отличаете? Не в смысле результата на табло — эмоционально.

— Бывают трагические моменты. В частности, последнее поражение от ЦСКА 0:3...

— Вечер был испорчен?

— Я столько выпил, что даже не помню. Со стадиона ушел последним. Обидно, конечно, было очень. В этом году как никогда мы ждали победы в чемпионате... Но даже после таких чувствительных поражений, например с вами, я буду разговаривать столь же любезно. На жену вот могу взорваться.

— Конечно, на ком еще отрываться, как не на близких.

— Да нет, мне почему-то кажется, что я безумной доброты человек. Может быть, очень резкий, язык у меня острый. Не люблю я неострую речь, неколюю мысль. Просто милая доброта мне даже скучновата. Понимаете, острый ум не может быть не язвительным. Такой, как у Гафта, как у Высоцкого, как у Ширвиндта... Он не может говорить, не обидев тебя. По-хорошему, естественно. И в этом вся прелесть общения — если у людей хватает самоиронии, такие вот безобидные дружеские подначки превращаются в истинное удовольствие.

Усы и шляпа — все при нем

— А сами вы часто становитесь объектом насмешек?

— Ну разумеется. Если по-доброму. Хамить вот только не рекомендую. Во-первых, я быстро реагирую...

— Словесно или физически?

— Словесно, конечно. Я же не неандерталец... Сейчас вот вспомнил один случай. Мне было лет 9 или 10. И посторонняя женщина в автобусе... Красивая. Ноги стройные, на высоких каблуках. Взрослая, как мне тогда казалось, — лет 30, наверное. И то ли я ей место не уступил, то ли еще что-то. Женщина наклонилась ко мне, нежно обняла за плечи и сказала: "Молодой человек, вы сэкономили на своем воспитании". Она вышла, я ничего не успел ответить, да и не посмел бы. А? Какая изысканная пощечина! Вот бы с такими людьми общаться. А сейчас... Мне, например, крайне редко удается выпустить. В самолете задремал наконец, и тут: "Эй, дай автограф". — "Ты что, с ума сошел?" — "Ну, ты козел! Я-то думал, нормальный мужик, а ты..." Ну как на это реагировать? Бывает — редко, правда, но бывает, — когда одна капля переполняет чашу и моего терпения. Ни с того ни с сего, на самую, казалось бы, безобидную реплику выливается все то дерьмо, которое накопилось во мне за десятки лет. Часто задумываюсь, надо будет как-нибудь публично перед всеми извиниться. Все-таки хватает дерьма во мне. Достаточно.

— К своей внешности с иронией относитесь?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, к тому, что нынче составляет ваш имидж.

— Он сложился не от того, что мне нужно было выдумать котелок, усыки, тросточку, широкие штаны и огромные ботинки. Чаплин делал это сознательно. Он искал...

— А вы? Разве нет?

— Нет, это получилось спонтанно.

— И шляпа тоже?

— Шляпа появилась тогда, когда я стал петь романтические песни. Из "Трех мушкетеров", "Собаки на сене". Можно было и в ботфортах петь, и в крагах, и со шлягой в ножках. Но это бы стало мешать. Шляпы вполне достаточно, чтобы наметнуть на то, что это несомненный песня.

— Зрителям, как видно, не до романтики. Многие, знаю, решили, что под широкой шляпой Боярский скрывает свою редкую шевелюру.

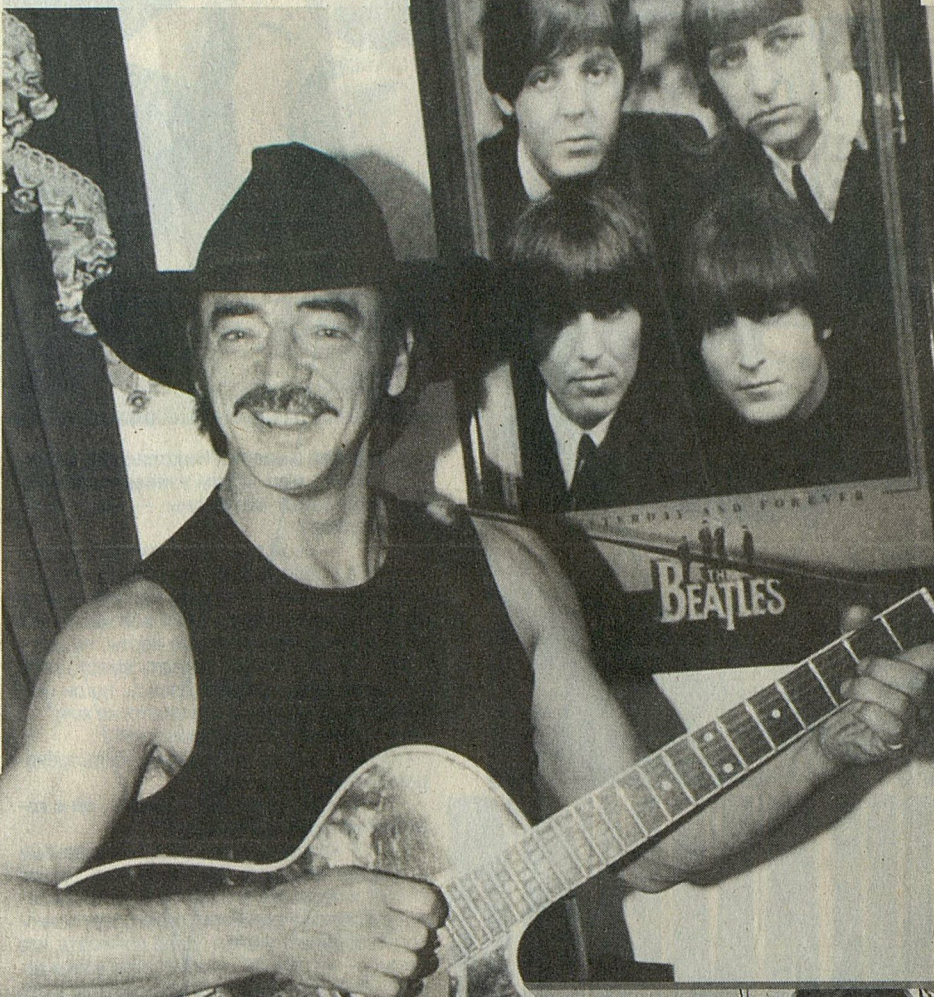
— Но я же играю спектакли — зрители видят меня и без головного убора. Эсамбаев, например, может, поэтому и носил свою папаху, а мне стесняться нечего. Более того, наверное, если станет совсем скучно, я поброюсь наголо...

— Это еще зачем?

— Также сейчас подумал. "Зачем?" Наверное, это будет идиотский поступок... Меня как-то пригласили на день рождения к Владимиру Владимировичу Путину. Естественно, я пришел без шляпы, в черном костюме, при галстуке. Он меня спрашивает: "А чего ты без шляпы? Зачем? Будь таким, какой ты есть". Я надел. После церемонии журналисты на меня накинулись: "Как вы можете — перед президентом в шляпе?" Я ответил, что мне, как Дону Сезару де Базану, разрешили перед королем не снимать головного убора. Это моя рабочая одежда, не более того. Шахтер не дает каску, я — шляпу. Если вдруг сниму, первый же вопрос будет: "Почему вы сняли шляпу?"

— А усы могли бы сбрить?

— Да хоть сейчас. Только смысл? Для какой-нибудь роли — не вопрос. Неоднократно и сам хотел это сделать. Но ведь начинается все с того,

ПЛАЧ НАЗЫВОВ

"У нас с Ларисой странные отношения".

что: "Так: стрижем, бреем, шляпу на полку". А потом: "Шляпу оставляем, не стрижем, не бреем".

— Действительно, без усов что за Боярский?

— Вам, может, и сложно представить. А мне — так все равно: с усами я или без. Найдется роль безусая — сбрую не задумываюсь.

Придворный его превосходительства

— Коли вы упомянули нашего президента...

— Это я случайно — в связи со шляпой.

— Сейчас — да. А однажды слышал от вас такие слова: "Нас с президентом связывают дружеские отношения".

— Это было сказано с изрядной долей юмора. Назвать отношения с президентом дружескими не смогу не только я — никто не сможет. У президента не может быть друзей. Наши отношения могу назвать доброжелательными, уважительными, даже приятельскими. Но дружба...

— Но вы же познакомились с Путиным, когда он еще не был президентом.

— Да, задолго до этого. Но дружба — вещь эксклюзивная и очень редкая. Так же, как и любовь. Когда Путин был заместителем питерского мэра, наше общение было очень теплым, ненавязчивым и неспециальным. Мы говорили о футболе, о спорте, о погоде, о чем угодно. Владимир Владимирович меня куда-то подвозил: то ли в Смольный, то ли еще куда. Как-то сказал ему: "Как здорово: у вас машина служебная, шофер". — "Господи, — говорит, — Миша, как я тебе завидую. Неужели ты не понимаешь, это все так тяжело". И показал мне свое расписание. В 7.15 — одно, в 7.35 — другое, в 8.25 — третье... Ни шага в сторону.

— Как вы называете Володю или Владимира Владимировича?

— Владимир Владимирович, конечно.

— А он вас Михаил Сергеевич?

— (После паузы.) Да нет — Михаил. Признаюсь вам, что однажды он мне сказал: "Не называй меня Владимир Владимирович". На что я ответил: "У меня хватит ума и такта знать, когда это можно будет сделать". До сих пор такой ситуации не представилось... Вы знаете, я из себя раба, наверное, выдавить уже не смогу. Я придворный, и мне это нравится. Когда Пушкина спросили: "Вот ты общался с царем, что почувствовал?", Александр Сергеевич ответил: "Был полным подлецом". Он ведь раболепно подошел к царю...

— Сейчас ваши встречи с Путиным...

— Они минимизированы.

— Как его называете: Володя или Владимир Владимирович?

— Владимир Владимирович, конечно.

— А он вас Михаил Сергеевич?

— (После паузы.) Да нет — Михаил. Признаюсь вам, что однажды он мне сказал: "Не называй меня Владимир Владимирович". На что я ответил: "У меня хватит ума и такта знать, когда это можно будет сделать". До сих пор такой ситуации не представилось... Вы знаете, я из себя раба, наверное, выдавить уже не смогу. Я придворный, и мне это нравится. Когда Пушкина спросили: "Вот ты общался с царем, что почувствовал?", Александр Сергеевич ответил: "Был полным подлецом". Он ведь раболепно подошел к царю...

— Как вы называете Володю или Владимира Владимировича?

— Владимир Владимирович, конечно.

— А он вас Михаил Сергеевич?

— (После паузы.) Да нет — Михаил. Признаюсь вам, что однажды он мне сказал: "Не называй меня Владимир Владимирович". На что я ответил: "У меня хватит ума и такта знать, когда это можно будет сделать". До сих пор такой ситуации не представилось... Вы знаете, я из себя раба, наверное, выдавить уже не смогу. Я придворный, и мне это нравится. Когда Пушкина спросили: "Вот ты общался с царем, что почувствовал?", Александр Сергеевич ответил: "Был полным подлецом". Он ведь раболепно подошел к царю...

Полный комплект: жена, сын, невестка, дочь, внучка.

хватает в Германии России. Нашли какой-то подвал, заваленный ящиками и грязной соломой. Поставили перед собой бутылку водки, какие-то рюмки. Полночи сидели в этом подвале и пели: "Вставай, страна огромная". А потом пошли брать Рейхстаг.

— Неужели залезли на крышу и водрузили там российское знамя?

— Не успели, полиция нас гораздо раньше забрала. Там все было по полной программе... Что еще? Мы можем поехать за город и украсить березы, как женщин. Знаете, иногда эти деревья растут крест-накрест и очень напоминают женские ноги. И вот мы напихаем травы в одно место, груди им приделаем и, как жену чужую, обнимаем. (Хохочет.) Или можем ни с того ни с сего взять катер на Неве и отправиться к Крузенштерну, выпить за него. А почему нет? Стоит мужик одинокий, ему же скучно. Или взять проститутку на улице, привести ее домой, накормить, вымыть, дать денег и отправить. Ну жалко женщину — мерзнет. Не использовать ее по назначению, а поставить на путь истинный: "Как тебе не совестно, одумайся". Конечно, это определенное издевательство. И над собой, и над ней. Но в этом есть и определенный шарм.

— И как на такие выходы реагирует ваша жена? Насыщен о ваших с Ларисой, скажем так, особых отношениях. И все же?

— Есть вещи, которые выше всех этих светских разговоров. Мы с Ларисой живем давно. Наверное, я один из немногих в нашей стране знаю, что такое одна жена. И все пережитое нами количество каждый раз переходит в другое качество. Количество любовленностей, количество ругани с ней, количество детей. И несчастий, и удач. Все это — определенная закуска, которую я не променяю ни на что. Наверное, этим мы с ней и дорожим. Тем, что можем ругаться и мириться, прощать и злопамятствовать.

— Как думаете, подруги вашей жены больше завидуют ей или сочувствуют?

— Понятия не имею. Меня совершенно это не волнует. У нас с Ларисой на самом деле какие-то странные, может быть, не до конца осознанные нами взаимоотношения. Ее раздражает, если кто-то подходит ко мне на улице. Она не любит мою популярность. Чрезвычайно. Не свет нос в мои дела вообще. Лариса умная женщина. Позволяет мне делать все, что хочу, — я абсолютно свободен. Конечно, ей не нравится, когда я ночью иду играть в рулетку. Но она не может мне этого не позволить. Потому что миллион игорных домов, а я что, буду проходить мимо? Для кого-то они ведь строились. "Почему ты должен?" — "Ну а если не я, то кто?" — "Тебе не стыдно находиться там среди жлобов?" — "Ну, значит, я такой же, как они. Почему же ты читаешь бульварные романы и увлекаться ими? Без измен вообще не смотришь фильмы: "Ой, как он изменил ей, интересно!" Сама играешь в это, а хочешь, чтобы я был монахом?" — "Ай, делай, что хочешь". А когда тебе позволяют все, не очень-то и хочется.

"Чтобы не проклинали"

— Михаил Сергеевич, поклонницы вас до сих пор донимают?

— Да нет, в общем-то. По-моему, я уже их так напугал, что... Я жесткий в этом плане человек.

— Отшиваете моментально?

— Всякое бывало. И скандалы, и разбирательства в милиции. Ну когда это мешает жить: когда телефон звонит круглосуточно, когда камни в окна кидают, когда приезжают из других городов с детьми и ночуют в подъезде. Ой, столько всего было. И под машину бросались. Но это, вероятно, касается любого артиста.

— То есть можно сказать, что женщины отравили ваше существование?

— Не-е-ет. Как правило, все, кто добивается тебя, совершенно не интересует. А вот те, кого хочешь добиться ты... Они не станут бегать около твоей квартиры или стучаться в номер гостиницы. Совсем другой колорит. Ни от чего не зарекаюсь, все может быть, но ловить рыбу, которая сама выбрасывается на берег, мне не интересно.

— Это вы сейчас так говорите. По молодости лет, наверное...

— А некогда было. Играл же по 20—30 спектаклей в неделю. Плюс съемки. Просто не успевал воспользоваться этим. И если бы только этим. Больше скажу: когда на хозяйственных сумках стали печатать портреты: с одной стороны Аллы Пугачевой, а с другой — мои, я мог бы вообще закончить со своей профессией и заняться бизнесом. И давно уже стать миллионером. Но мне это было не интересно. Я работал в театре с такими актерами, которым и в подметки не годился. Надо было оправдывать свое существование: учиться, учиться, учиться... И локти сейчас я себе не кусаю. Я не хочу иметь виллу сумасшедшую какую-нибудь. Мне не нужен "Роллс-Ройс". Личный самолет. Собственная телевизионная передача. Ничего мне этого не надо.

— Что же тогда?

— А я скажу. Единственное, чего мне бы хотелось, — это хорошей работы. То есть хороший режиссер, на хорошем материале. И чтобы я был убежден, что роль, которую мне предлагают, кроме меня, никто другой не сыграет. Но то, что предлагается, может сыграть любой. Там и играть в общем-то нечего... Понимаете, в чем дело: фактически я — худой врач, каждый день лечу зубы. Когда-то лучше, когда-то хуже. Конечно, хотел бы сотворить улыбку Джоконды. Чтобы, когда она улыбнулась, там были бы мои вставные зубы. Но я также знаю, что ничего не буду делать сам. А сегодня это необходимо: быть и сценаристом, и режиссером, и продюсером, и актером. На это способны Машков, Ярмольник. Никита Михалков сам играет, своих детей снимает, деньги достает. Они — молодцы, могут. С большим уважением отношусь к таким людям, они мобильны. Я на это не способен. Пальцем не пошевелю для того, чтобы собрать компанию единомышленников, принести пьесу...

— Опять в вас говорит питерская хандра?

— Черт его знает. То ли лень, то ли понимание того, что и это бессмысленно. И Ефремова уж нет, и Высоцкого. И Джона Леннона. Тех, которые встрянули мир. Стоит ли? Я вот, например, до сих пор не понимаю этого: "Чтобы помнили". Мне это не нужно. Жить ради того, чтобы тебя запомнили? Ну тогда сожги Парфенон — запомнят надолго. Пушкин писал: "И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал". Ну ладно — Александр Сергеевич, а я-то что? Не надо меня помнить, мне особенно хорошего я не сделал. "Чтобы не проклинали!" — и этого вполне достаточно.

Дмитрий МЕЛЬМАН.